

Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы"

Введение

Будем считать очевидным и исходить из того, что современное человечество вступило в исторический этап глубоких трансформаций, которые особым образом проявляют себя в том состоянии "турбулентности", в котором сегодня пребывают международные отношения. Сугубо эмпирически ситуация характеризуется разбродом экономических, политических и культурных интересов, вызванном отсутствием явного Центра (или центров) силы и появлением на мировой арене новых, сравнительно самостоятельных акторов. Но если к осмыслению ситуации подойти концептуально, то обнаруживается особый тренд, более или менее удачно обозначенный понятием *мягкой силы* (*soft power*, далее – *SP*) [22; 23; 24]. Суть тренда (и концепции) состоит в выдвигании *факторов культуры* в значимую или даже лидирующую позицию относительно экономических и политических мотивов в международных отношениях. На мировой сцене разворачивается *игра* (драматический конфликт) культурных смыслов и ценностей, которые отодвигают на задний план соображения экономической выгоды и собственно властных интересов. Вместе с тем переходный характер времени и неравносность в расстановке международных сил ведёт к одному концептуальному затруднению: к неопределённости самого понятия мягкой силы. Эту неопределённость фиксируют многие авторы [8; 9; 18]), пытаясь с ней безуспешно (на наш взгляд) бороться. Двусмысленность, а потому и неопределённость концепта *SP* уже задана тем, что культурный фактор влияния (*Soft*) присоединён и мыслится как фактор *Власти* (*Power*)¹. Между тем не всякое влияние сущностно проявляется себя как *Власть*, оставаясь при этом *Силой*. В каком смысле потенциал образования, по его существу, следует понимать не как развитие человеческого потенциала, но как дискурс власти? Ничто не мешает рассматривать культурное влияние в качестве *собственного* фактора политики (силы власти), но только такое понимание культуры затушёвывает главный вопрос: как некоторый культурный смысл и ценность *может стать* особым инструментом политического воздействия? Т.е. если мы предвзвительно аналитически не выделим логику культуры в "чистом виде", то не сможем решить, как эта логика влияет на собственные законы политики [6]. Понять и принять собственную логику культуры сильно мешает обыденное (оценочное) представление о культуре, которое работает в оппозиции "культурный-бескультурный". В теоретическом плане к культуре относится любой процесс трансляции смыслов (передачи сообщений) социальными агентами, который операционального выглядит как информационно-коммуникативный процесс². Отсюда и выходит, что именно социодинамика культуры определяет лицо современного информационного

¹ Стоит иметь в виду, что ближе к смыслу того, что имеет в виду Дж. Най, вводя концепт *soft power*, будет именно "мягкая власть", а не "сила". В русском языке значения концептов "сила" и "власть" различаются в гораздо большей степени, нежели в английском.

² Этот подход получил развитие с 60-х годов прошлого века, начиная с работ А. Моля [10].

общества [5]. Однако эмпирически мы всегда имеем дело с синкретическим (комплексным) образованием *политики-экономики-культуры*, выдвигая (как правило, не рефлексивно) одну из составляющих комплекса в ведущую позицию. Отсюда безуспешность стремления придать определённую понятию *SP*, ибо в эмпирической реальности комплексность международных отношений будет обнаруживать себя в множественной вариации взаимовлияния собственных целеполаганий культуры, политики и экономики. В частности, всегда возможно акцентировать международные отношения, рассматривая их как в геополитическом, либо в геоэкономическом, или же в межкультурном аспекте.

В связи с указанным концептуальным затруднением полезно обратиться к реальной политике акторов международных отношений и рассмотреть, как они используют факторы культуры для продвижения своих национальных интересов. Показательным в этом отношении является внешняя политика нынешнего руководства Китая, которое отчётливо придаёт этой политике культуроцентричный характер.

Теоретико-методологические основания подхода

Требование аналитического (теоретического) различения логики (или законов) политики, экономики и культуры будет нашим первым методологическим принципом. Мы должны понимать, в чем состоит *собственное целеполагание* каждого из этих измерений социальной системы. Если для экономики целеполагание её агентов состоит в максимизации полезности, а для политики – в максимизации власти, то для культуры – в максимизации коммуникативной понятности (содержательности) сообщений. Только это различие позволяет ставить вопрос о том, как в данной конкретно-исторической ситуации один принцип целеполагания влияет на другие и каков будет синтетический итог их взаимовлияния. В этом ключе и предлагается взглянуть на реальный смысл концепта *SP*. Сразу скажем, что вся трудность вычленения этой силы из всего их комплекса состоит именно в том, чтобы определить, как факторы культуры могут либо *вести за собой*, либо *обслуживать* властные и экономические интересы. Принятые трактовки *SP*, в основном, рассматривают факторы культуры как инструменты политики (властного интереса) и экономики, не замечая, что продвижение ценностей своей культуры (по существу – своего жизненного мира) уже стало самостоятельным фактором международных отношений, для которого обычные ресурсы политического влияния (типа – демонстрации военной силы) имеют второстепенное или прикладное значение.

Второй принцип будет касаться теоретико-методологических оснований подхода к пониманию специфики современного состояния международных отношений. Здесь предлагается взять за основу то понимание глобализма и логики исторического развития, которое обосновывает *мир-системный подход* (Ф. Бродель [2], Э. Валлерстайн [3], Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [4; 6], А. Франк [17] и др.). Этот подход, в его современном варианте, предполагает, что существует историческая диалектика отрицания одного основания системного порядка другим. То, что ранее было ведомым, становится ведущим. Так, если изначально объединяющим принципом *мир-системы* была сила власти, формирующая исторический тип "мир-империи", если ему на смену приходит Мир, объединённый торгово-экономическими отношениями "мир-экономика", то единство современного мира всё более зависит и формируется системой смысловых коммуникаций (информационными потоками – в техническом отношении). Эту *мир-систему* можно именовать, по её ведущему принципу, "*мир-культурой*"³. В плане международных отношений решающее отличие от прежнего *Мира* состоит в том, что на смену центров силы (центров политического и экономического влияния) приходят *центры привлекательности*, которые особым образом притягивают к себе как экономические ресурсы (главный из которых сегодня – человеческий, "образованный культурой" капитал), так и стягивают вокруг себя политический интерес акторов международных отношений.

³ Данный концепт носит авторский характер, но допустимость его использования прямо следует из позиции цитируемых представителей мир-системного подхода (в особенности [5]).

Третий принцип связан с концепцией метакультуры и призван ответить на вопрос, каким образом культурное взаимодействие стран и народов может *повести за собой* экономику и политику. Это означает, что добиться своих властных и экономических целей сегодня можно только опираясь на собственную логику межкультурной коммуникации. Этот подход эмпирически опирается на следующее фактическое обстоятельство развития культур: все родовые (национальные) культуры содержательно развиваются исключительно благодаря творческому взаимодействию с другими культурами, благодаря своей *открытости Миру*. Замкнутые в себе культуры пребывают в циклическом застое и при столкновении с развивающимися ("креативными") культурами теряют свою идентичность и растворяются в них. Поскольку в современном мире идёт острая конкурентная борьба за ресурсы развития, а таковые ресурсы находятся в сфере культуры (образования, науки и пр.), то это и вынуждает агентов политики и экономики принимать те правила игры, которые предполагает культурная и межкультурная коммуникация, подчинять этим правилам свои исходные целеполагания. В этой связи и с учётом формирования мир-культуры особое значение приобретает *метакультурный потенциал нации*, понимаемый как способность данной родовой культуры оказывать на другие своё влияние и воспринимать влияния других культур для собственного творческого развития [15; 16]. Метакультурный потенциал осуществляет себя в коммуникативной логике дара [26]. Именно этот подход позволяет понять реальный смысл концепта мягкой силы, одновременно показывая его ограниченность.

В ключе этих принципов мы вполне определённо можем сказать, что "скрывает за собой" концепт *мягкой силы*. Он скрывает то, чему эта сила действительно принадлежит. А принадлежит эта сила *знанию* как субстанции культуры. (Что фиксирует одно из определений современного общества как "экономики знаний"). Поэтому в таком именовании речь всегда идёт о мягкой силе знания (а затем – его культурных производных), которое использует как свой инструмент власть.

Мягкая сила культуры – в её влиянии на политику

В том смысле, в котором концепт *soft power (SP)* используется в проблематике международных отношений и политической философии, он предполагает использование государством инструментов культуры для достижения своих политических целей, в том числе для расширения своего международного влияния, и это есть та реальность, с которой надо считать, не впадая в идеологические иллюзии. В отличие от идеологического дискурса, который несёт в себе значительную долю обмана и самообмана, концепт *soft power* ничего не скрывает: это есть политика продвижения ценностей своей культуры в другие общества с целью обеспечения её привлекательности для их граждан. В классической логике международных отношений, *SP* – это инструмент борьбы за основной ресурс современной экономики, которым является *человеческий капитал*. Единственное, в чем можно упрекнуть такого рода культурную политику – в изрядной доли цинизма (в соответствии с пониманием природы т.н. "цинического разума" [11]). Именно в этом пункте идея метакультуры может противостоять принципам "мягкой силы", фактически решая ту же самую задачу повышения привлекательности своей культуры среди других народов. Метакультурный потенциал народа предполагает способность влиять на другие культуры, вовлекать их в сферу своих ценностей и интересов, но иначе, нежели это предполагает концепт *мягкой силы*. Это "вовлечение другого" (Хабермас) может происходить и посредством творческого дара [16]. Метакультурное сотрудничество государств, в отличие от доктрины *SP*, предполагает смещение акцентов с политических целей на средства их достижения. В этом смысле метакультурное сотрудничество вовлекает народы в формирование *цивилизационного содружества*. Тот, кто лидирует в таком формировании (на что сегодня претендует Китай), тот, конечно, будет извлекать из этого основную политическую и экономическую выгоду. Использование инструментов "мягкой силы" также имеет в виду мирное сосуществование конкурирующих за человеческие ресурсы государств, но только в качестве побочного эффекта своего главного политического интереса.

Для понимания природы *мягкой силы* следует иметь в виду, что этот концепт заполнил то смысловое пространство международных отношений, которое ранее занимало идеологическое противостояние социалистического и капиталистического лагерей. Деидеологизация стала фактом международной политики [21]. Идеологический характер прежнего противостояния государств (лагерей) заключался в ясном различии политических ценностей и образа будущего, к которому стремились две системы. В тех условиях культурный фактор реально *не играл самостоятельной роли* в отношениях между странами разной идеологической ориентации. Крах СССР и распад социалистической системы в идеологическом смысле означал конец коммунистического проекта как объединяющей цели некоторых государств и народов. Провозглашаемые государственные цели стали в формальном смысле общими: благо государства и повышение благосостояния народа. По этому поводу противостоять стало бессмысленно, и потому конфликт государственных интересов за распределение мировых ресурсов (а он никуда не исчез) переместился с целей на средства их достижения, которые по существу носят культуросообразный характер. Культурное противостояние как противостояние образов будущего и ценностей имеет смысл постольку, поскольку оно есть борьба за главный ресурс современности – человеческий капитал. После ликвидации жёстких государственных барьеров основным фактором, с которым вынуждены считаться политики, стала человеческая *мобильность* [27]. Всё население Земли – прежде всего обладающее каким-то набором компетенций ("человеческих качеств") – пришло в движение, а *управление мобильностями* – признак передового государства. Фактически *SP* это инструмент управления мотивацией тех людей, компетенции которых нельзя использовать иначе, кроме как привлекая образом их будущего; да и квалифицированную рабочую силу уже нельзя просто найти на рынке труда – её нужно готовить в рамках национальной системы образования.

Согласно изначальной позиции Дж. Ная [22] (впоследствии она претерпела некоторые изменения [23]) "мягкая сила" предполагает использование трёх ресурсов – культуру, политические ценности и внешнюю политику, где фактор внешней политики является ведущим, поскольку именно он определяет цели культурной индустрии. Мы привлекаем внимание к этой расстановке сил, поскольку основное отличие концепции метакультурного сотрудничества от доктрины *SP* состоит именно здесь: в ином принципе отношения политики и культуры [7]. В доктрине *SP* собственная логика культуры (коммуникативная логика дара) подчинена политической логике (логике властного отношения). Возможность изменение порядка следования в отношении политики и культуры не является умоизрядительной. Она неявным образом присутствует в одном из требований многих игроков на современной международной арене (и очень настойчиво со стороны России) как требование равноправия. Заметим, равноправия, вопреки и независимо от экономической мощи государства и его политического веса. Это равноправие голосов в переговорном процессе, это равноправие культурных моделей, это уважение к традиции народов и пр.

В этом ключе стоит рассмотреть китайскую модель доктрины *SP*, которая обозначается как "культуроцентричная" и, как таковая, оказывается близкой заявленному метакультурному подходу.

Трактовка "мягкой силы" в политике Китая

Доктрина "мягкой силы" имеет официальный статус во внутренней и внешней политики Китая. Дж. Най – автор концепции "мягкой силы" – в прошлом высокопоставленный чиновник Госдепартамента и военного ведомства США – обрёл в соответствующих кругах Китая невиданную популярность). Его китайские последователи увидели в данном концепте возможность обосновать политику, исходя из культурной традиции, опора на которую принципиально важна всей китайской ментальности.

Рассматривая доктрину *SP*, надо иметь в виду, что США с достаточной долей искренности продвигают в мире т.н. "американскую мечту", которая и является её главной *мягкой силой* во внутренней и внешней политике. В "Политическом словаре" Уильяма Сефайра [25] *American dream* определяется как "идеал свободы или возможностей, который был сформулирован "отца-

ми-основателями"; духовная мощь нации. Если американская система – это скелет американской политики, то американская мечта – её душа". Можно допустить, что другие народы смогут на равных говорить с Америкой и тем самым "противостоять" её мировому влиянию при условии, что они сформируют свою "национальную мечту", а еще лучше – если эта "мечта" будет привлекательна для других народов. В этой связи может быть самым показательным является то, что Китай сформулировал свою *Chinees dream*. В своей обычной манере он заимствовал чужеродную по происхождению идею и особым образом трансформировал её в духе своей (в основном – конфуцианской) традиции. В "Китайской мечте" делается сдвиг со свободы и прав человека на "равенство и социальную справедливость" – это и есть основная идея китайского социализма, который Китай хочет предложить в качестве "всеобщей ценности". "Китайские авторы отмечают, что "мягкая сила" государства реализуется через истолкование и определение содержания демократии, свободы, прав человека и других "всеобщих ценностей". Следовательно, Пекину нужно бороться за то, чтобы обрести такую возможность. Следует добиваться, чтобы повсюду люди "слушали китайские истории". А для этого нужно "убедительно и привлекательно показать всему миру, что путь специфического китайского социализма является не только моделью развития, подходящей для развивающихся стран, но также источником "мягкой силы", соответствующей запросам будущего развития человечества" [1].

В Китае программа опоры на культуру заявлена вскоре после прихода Ху Цзиньтао на пост партийного лидера в 2002 г. Первоначально проблема виделась в противодействии иностранному культурному влиянию, которое несло в себе образ жизни и ценности, мало совместимые с традиционным китайским укладом. С середины 2000-х гг. власти заявили о необходимости формировать и наращивать собственную "мягкую силу" и культурное соперничество с другими странами. В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала "мягкой силы" культуры. На этом съезде тема "мягкой силы" была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики. С этого времени нормативная китайская трактовка "мягкой силы" стала "культурцентричной" (в противоположность её американской теоретической и практической трактовке). Культурное истолкование "мягкой силы" – сознательный, исторически обусловленный выбор для Китая. Решение вопроса выбора политико-центрического (США) или культурно-центрического подхода (Китай) в международной политике имеет важные следствия. Согласно политцентрической модели усиление *SP*, одной стороны, автоматически приводит к ослаблению этой силы других сторон (так, что рост влияния Китая должен сопровождаться закатом "мягкой силы" Запада во главе с США [23]). Культур-центрическая модель идеологически допускает гармоническое сочетание влияний и позволят избежать лобового столкновения интересов. "Пока Америка несет в мир свои политические ценности, Китай делает ставку на культуру, вследствие чего их "мягкие силы" оказываются в разных интеллектуальных измерениях. Если "мягкая сила" США строится на том, что модель американского политического устройства имеет "всеобщий" характер, то Китай подчеркивает тезис о многообразии путей развития" [1].

Комплексная программа "могущественного культурного государства" утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва. Действуя в этом направлении, руководство страны стремится расширить присутствие культурной продукции Китая на мировом рынке и тем самым повысить международное влияние китайской культуры. Тем самым, наращивание "мягкой силы" как орудия внутренней и внешней политики стало одной из ключевых задач в политике КПК. Ху Цзиньтао заявил там, что культура занимает все более важное место в соперничестве между странами, что крупные государства целенаправленно наращивают "мягкую силу" культуры ради повышения своей международной конкурентоспособности. Тем временем "у культуры Китая общая сила и международное влияние все еще не соответствуют международному статусу страны, положение "Запад силен, мы слабы" в сфере международной культуры и общественного мнения еще не претерпело коренных изменений". Более того, "международные враждебные силы с еще большим рвением осуществляют вестернизацию Китая и стратегические

замыслы по расчленению страны, реализуют долгосрочные планы проникновения в важные сферы идеологии и культуры" [Цит. по: 1].

Традиционный китайский прагматизм быстро направил решение проблемы "культурного отставания" в развитие культурной индустрии. В содержательном плане было заявлено и о том, что "могущественное культурное государство" нуждается в ценностных ориентирах. В постановлении пленума ЦК КПК указано на необходимость "осуществлять стратегию выхода культуры вовне, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа". Поставлена цель "наращивать понимание и познание мировым сообществом базовой национальной специфики, ценностных воззрений, пути развития, внутренней и внешней политики Китая", "создать первоклассные СМИ мирового уровня" и с опорой на инновационные методы внешней пропаганды укреплять "право голоса" на международной арене, что позволит воздействовать на мировое общественное мнение.

Начиная с середины 2000-х гг. в Китае предпринимаются усилия дать содержательное наполнение ценностному измерению национальной "мягкой силы". В этом контексте обыгрываются классические конфуцианские принципы равновесия, гармонии, добродетели и пр., через призму которых подчеркивается необходимость многообразия культур, ценностей и моделей развития. Этот подход образует противовес западной склонности к абсолютизации либеральных ценностей и попыткам их навязывания другим странам. Новое звучание получают взятые из древности принципы "гармонии без единообразия", "благородства", "справедливости". В этом ключе, например, слова Конфуция: "Благородный муж стремится к гармонии, но не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии" ("Лунь юй", гл. "Цзы лу"), – получили новый смысл. Пекин заявил о себе как о наследнике идеала, в соответствии с которым возвышенный и просвещенный конфуцианский "благородный муж" стремится к гармоничным отношениям с окружающими и не добивается единообразия ни за счет навязывания другим своих ценностей, ни за счет принятия ценностей чужих. Вторая часть цитаты превратилась в характеристику политики Запада, который подобно "мелким людишкам" пренебрегает гармонией и хочет сделать мир единообразным в соответствии со своими канонами [1].

Как показывают О. Борох и А. Ломанов [1], после пленума ЦК КПК 2011 г. в прессе стали появляться запоминающиеся формулировки: "человек как основа", "человеколюбие", "совместное процветание", "богатство и сила", "гармония", "демократия и правление по закону", "соблюдение закона", "искренность и доверие", "равенство и справедливость", "открытость и толерантность", "цивилизованность", "сердцевинные ценности". Эти формулировки (в привычной для китайцев образно-афористичной манере), поскольку они претендуют на международное влияние, должны утверждать некие всеобщие ценности. Китайская мечта должна в той или иной степени соответствовать общечеловеческой мечте, в состав которой сегодня входят свобода (возможность самоопределения), права человека (защита этих прав государством), демократия (возможность легально заявить о своих правах и интересах). Но таковы западные ценности (в трактовке китайских идеологов). Что им может противопоставить Китай? Критический настрой держится на том убеждении, что Западу не удалось решить вопрос "гармоничного сочетания равенства и свободы". Именно этот лозунг Китай может предложить в качестве "всеобщей ценности". На что, в частности, указывает профессор Гуманитарного института Китайского политико-правового университета Ли Дэшунь, полагая, что Китай мог бы взять на себя миссию продвижения этого принципа во внешний мир [Цит. по: 1]) "Китайские авторы отмечают, что "мягкая сила" государства реализуется через истолкование и определение содержания демократии, свободы, прав человека и других "всеобщих ценностей". Следовательно, Пекину нужно бороться за то, чтобы обрести такую возможность. Следует добиваться, чтобы повсюду люди "слушали китайские истории". А для этого нужно "убедительно и привлекательно показать всему миру, что путь специфического китайского социализма является не только моделью развития, подходящей для развивающихся стран, но также источником "мягкой силы", соответствующей запросам будущего развития человечества" [1].

XIX съезд КПК Китая (октябрь 2017 г.) закрепил культурно-ориентированный курс внутренней и внешней политики. В своем докладе Си Цзиньпин [28] провозгласил 14 "гарантий" этой политики, из которых семь несут отчетливо гуманитарный характер. В особенности следует обратить внимание на "идею построения сообщества единой судьбы для всего человечества" (ср. с понятием *цивилизационного содружества*), которую Китай намеревается продвигать в виде нового порядка международных отношений. К этим заявлениям не следует относиться как к пустой политической риторике. В том, что Китай будет продвигать в мировое сообщество свое понимание жизненных ценностей, получая от этого и экономическую выгоду, мало кто сомневается. Однако другие "семь пунктов" имеют явный великодержавный смысл, закрепляющий власть компартии, и здесь заложено главное противоречие китайской внешней политики. Желая расширять своё культурное влияние, он открывается Миру, но другим шагом он закрывается от него, создавая систему информационной защиты (пресловутая *FireWall* Китая). Как можно устоять на таких основаниях?

Метакультурный потенциал vs. "мягкой силы"

Говоря коротко и по существу, метакультурный потенциал народа есть его творческий потенциал. Современная эпоха отличается от прежних тем, что между системой и жизненным миром [13; 14] возникла особая зависимость: система социального воспроизводства требует инноваций, которые есть не что иное как институциональная форма вырастающего из жизненного мира творчества. Но из этого обстоятельства не сделано всех должных выводов. Для нас главный, что всеобщей ценностью для всех народов (которые борются на своё место в истории) будет обладать только такой культурный образец, который раскрывает творческий потенциал личности, способствует её раскрытию. Заметим, что именно этот потенциал демонстрируют авторские произведения национального искусства, имеющие мировое значение. Они потому и значимы для всех, что позволяют зрителю, читателю (представителю одной культуры) погрузиться в творческий мир, созданный автором (может быть – представителем другой культуры).

Здесь и находится основное отличие *мягкой силы* от метакультурного потенциала: первая продвигает в межнациональные отношения массовый, обезличенный продукт своей культуры; второй предполагает выставлять в качестве образца авторские, творческие произведения. Если продвижение массовых продуктов культуры институционально обустроено, т.е. обеспечено масс-медийными каналами, юридическими нормами и финансовой поддержкой, то творческое взаимодействие культур находится в положении любительского театра, т.е. преимущественно обеспечивается энтузиазмом самих исполнителей. Мягкая сила предназначена для массовой аудитории, и потому передаваемое содержание должно обладать усредненной понятностью. Форматы SP – кассовые фильмы, мультсериалы, перформансы и образовательные программы массовых профессий в дистанционном исполнении. Основной канал – телевидение и интернет, которые сами по себе обезличивают коммуникацию. Известный афоризм М. Маклюэна: "The medium is the message", – ("средство коммуникации это и есть само сообщение"), затем иронично трансформированное автором в "The medium is the massage" ("... массаж") [18] – точно указывает на роль современных средств массовых коммуникаций в обеспечении власти тех или иных образцов.

Представим "противоборство" культур в формате действительных или возможных вариантов "национальной мечты" (по аналогии с существующей и работающей "американской мечтой"). Исходя из предположения, что современная личность институциональными условиями призывается к творческому существованию, у нас появляется эталон для измерения того, в какой степени национальный вариант мечты дотягивает до него, а в чем ему не соответствует. Скажем прямо: американский вариант мечты не дотягивает до эталона, а выше обрисованный – китайский – тянет в обратную сторону. Ни та, ни другая "мечта" не апеллируют к тому специфическому способу существования, каковым является *творческое бытие лицом-к-лицу*, в наибольшей степени известное, благодаря работам М. Бубера и М. Бахтина как принцип диалогичности.

Метакультурный подход утверждает простое: если культура заботится о своем развитии и тем самым желает сохранить себя в истории, то она должна в диалоге открыться Иной культуре и для этого выйти в пространство личного бытия. Она должна предъявить Другой культуре свои творческие произведения, а это произведения, имеющие авторство. Феноменальным образцом авторских творческих произведений является национальная классическая литература. Они потому и стали *классическими произведениями* литературы в данной культуре, что выражают типичное в сознании народа. Заметим, кстати, что выражение "Американская мечта" появилось в романе Джеймса Адамса "The Epic of America" (1931 г.) и затем прочно вошло в культуру и политическую риторику США. Согласно автору это "мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает". Важно, что эту формулировку предложил писатель с развитым творческим воображением, как таковой, лучше понимающий дух народа, нежели сам народ. Именно поэтому в метакультурном сотрудничестве полноправными представителями могут быть преимущественно *гении рода*, способные выразить дух народа, а не его плоть.

С этой точки зрения квинтэссенция русской классической литературы – вся её мировая значимость и влияние – целиком обязаны тому, как она показала, что такое бытие лицом-к-лицу. Даже на обыденном уровне *бытие лицом-к-лицу* представляет для русского характера (в меньшей степени для ментальности) ведущую ценность. Американский и китайские варианты "мечты" такого рода бытие в явной форме не полагают. Американские и китайские культурные ценности противостоят друг другу в виде оппозиции индивидуального и родового начал в человека и потому всегда останутся во внешнем (может быть, и продуктивном) взаимодействии. Русский архетип личного общения сам по себе носит всечеловеческий характер, в явной форме выражает скрытую потребность каждого человека в бытии *лицом-к-лицу*, просто в силу диалогичной природы его сознания.

Инструменты "мягкой силы" в обеспечении национальных интересов России в АТР

В публичном пространстве России и в её внешнеполитической риторике концепт "мягкой силы" используется редко, а если используется, то с указанием на его "чужеродное" происхождение. Но содержательно, по смыслу многие внешнеполитические шаги прямо предполагают использование основных компонентов этой силы (по Дж. Наю): вовлечение культурных ресурсов государства, демонстрация собственных ценностей и внешнеполитическую направленность риторики. Можно утверждать, что в отличие от Китая, руководство России концептуально не оформила то, каким образом оно использует свой культурный потенциал за рубежом. (Некоторым приближением к этой доктрине можно считать программу "Русского мира"). Однако по факту Россия безусловно применяет инструменты "мягкой силы" (что, впрочем, можно сказать о любом государстве, имеющем претензию считать себя современным и претендующим на какое-то влияние в мире). Но отсутствие соответствующей современности внешнеполитической доктрины опоры на культурный потенциал государства имеет прямые негативные последствия. Оно прямо сказывается на утрате влияния России в бывших республиках СССР, во фрагментарности её культурного присутствия в тех странах, в сотрудничестве с которыми Россия сегодня сильно заинтересована (а таковыми как раз и являются страны США). Но будь такая доктрина использования "мягкой силы" концептуально сформированной, она бы сильно напоминала китайскую. Россия, в силу своей многонациональности, исторически вынуждена придерживаться принципа "единства в многообразии", но, не имея для этого адекватного культурного образца (которым для Китая является конфуцианство), испытывает сильные затруднения в идеологическом обосновании "почему единство". Так во внутренней политике. Во внешней – позиция России еще более приближена к китайской в требовании равноправных отношений. Как было сказано выше, равноправными могут быть только те отношения, которые основаны на коммуникативной логике культуры. Экономические и политические отношения – по своей природе – не равноправны. Соответственно, только при том

условии, что экономические и политические интересы *равняются* на образец культурной коммуникации – они несколько уравнивают различия сторон.

Но фактически на внешней арене Россия действует в той же конфронтационной логике "мягкой силы", что и США. Это означает, что по факту она сталкивает своё влияние за рубежом с влиянием других стран – прежде всего США. В этой логике *мягкая сила* одного государства должна теснить *мягкую силу* другого. При нынешнем раскладе сил следует ожидать, что в странах Восточной Азии *мягкая сила* США будет продолжать теснить *мягкую силу* России. Россия сможет сохранить свое культурное присутствие, а вслед за ним и все формы взаимодействия при условии, что она предъявит значимый для других культурный образец человеческого существования, в некоторых аспектах альтернативный "американской мечте". Апелляция к традиционным ценностям, на чем строится сегодня политическая риторика, бесперспективная. Никому не удалось достичь успеха в конкурентной борьбе, провозглашая движение назад.

Литература

1. Борох О., Ломанов А. От "мягкой силы" к "культурному могуществу" // Россия в международной политике. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu> -15643 (дата обращения: 14.05.2016).
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х т. М.: Весь мир, 2007. 678 с.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
4. Гринин Л.Е. Коротчаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Книжный Дом "ЛИБРОКОМ" 2009.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Коротчаев А.В. и др. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд.3, М.: УРСС, 2010.
7. Культура и политика. Метакультурный потенциал сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии как ресурс её национальной безопасности: монография / под ред. С.Е. Ячина. Владивосток: Дальнаука, 2016. 420 с.
8. Русакова О.Ф. Soft Power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 52–61.
9. Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145–154.
10. Моль А. Социодинамика культуры. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с. (Moles A. Sociodynamique de la culture. 1967)
11. Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2001. 584 с.
12. Смирнова, Л.Н. Предложения по улучшению образа России в Китае: рабочая тетр. / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014. 40 с.
13. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. Весна 1993. Т. 1, вып. 2. С. 123–136. (Habermas J. 1985)
14. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 420 с.
15. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010. 268 с.
16. Ячин С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 33–41.
17. Frank A. G., Gills B. K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N. Y 2000.
18. Kearn D.W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. (Apr.).
19. Kireev, Anton A., Yachin, Sergei E. Paradigms of Border Studies and the Metacultural Approach // Journal of Borderlands Studies. 2017. № 32. Vol. 4. Pages 1–18 Published online: 04 Jul 2017
20. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.:Random House, 1967.

21. Mullerson Rein. Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. I.B.Tauris & Co. Ltd: London, New York, 2017, i-ix; 277 pp.
22. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
23. Nye J.S. Limits of American Power // Political Science Quarterly. 131.2 (June 2016). P. 267–283.
24. Nye J.S. The Power to Lead. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.
25. Safire's New Political Dictionary. N. Y.: Random House, 1993.
26. The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity / Ed. by Alan D. Schift. New York, London: Routledge, 1997.
27. Urry J. (2007). Mobilities. Cambridge: Polity, 336 p.
28. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China. October 18, 2017.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Borokh O., Lomanov A. Ot "myagkoj sily" k "kul'turnomu mogushhestvu" // Rossiya v mezhdunarodnoj politike. 2012. № 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-mogushhestvu-15643> (data obrashheniya: 14.05.2016).
2. Brodel' F. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3-kh t. M.: Ves' mir, 2007. 678 s.
3. Vallerstajin I. Mirossystemnyj analiz: Vvedenie. Per. s angl. Izd. 2-e, ispr. M.: URSS: LENAND, 2018. 304 s.
4. Grinin L.E. Korotaev A.V. Sotsial'naya makroehvolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. M.: Knizhnyj Dom "LIBROKOM" 2009.
5. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkha: ehkonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2000. 608 s.
6. Korotaev A.V. i dr. Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya. Izd.3, M.: URSS, 2010.
7. Kul'tura i politika. Metakul'turnyj potentsial sotrudnichestva Rossii so stranami Severo-Vostochnoj Azii kak resurs eyo natsional'noj bezopasnosti: monografiya / pod red. S.E. Yachina. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 420 s.
8. Rusakova O.F. Soft Power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 3. Obshhestvennye nauki. 2013. № 3 (118). S. 52–61.
9. Rustamova L.R. Mekhanizm dejstviya i predely ispol'zovaniya kontseptsii "myagkaya sila" // Ojkumena Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1 (44). S. 145–154.
10. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury. Izd. 3-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 416 s. (Moles A. Sociodynamique de la culture. 1967)
11. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 584 s.
12. Smirnova, L.N. Predlozheniya po uluchsheniyu obraza Rossii v Kitae: rabochaya tetr. / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: Spetskniga, 2014. 40 s.
13. KHabermas YU. Otnosheniya mezhdru sistemoj i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma // Thesis. Vesna 1993. T. 1, vyp. 2. S. 123–136. (Habermas J. 1985)
14. KHabermas YU. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. SPb.: Nauka, 2001. 420 s.
15. Yachin S.E. Sostoyanie metakul'tury. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 268 s.
16. Yachin S.E. Vozvrashhenie k daru: kontury refleksivnoj kul'tury dara v sovremennom mire // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 33–41.
17. Frank A. G., Gills V. K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A. Denmark, J. Friedman, V.K. Gills, G. Modelski. L.; N. Y 2000.
18. Kern D.W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. (Apr.).
19. Kireev, Anton A., Yachin, Sergei E. Paradigms of Border Studies and the Metacultural Approach // Journal of Borderlands Studies. 2017. № 32. Vol. 4. Pages 1–18 Published online: 04 Jul 2017
20. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.:Random House, 1967.
21. Mullerson Rein. Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. I.B.Tauris & Co. Ltd: London, New York, 2017, i-ix; 277 pp.
22. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

23. Nye J.S. Limits of American Power // *Political Science Quarterly*. 131.2 (June 2016). P. 267–283.
24. Nye J.S. *The Power to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.
25. *Safire's New Political Dictionary*. N. Y.: Random House, 1993.
26. *The Logic of the Gift: Toward an Ethic of Generosity* / Ed. by Alan D. Schift. New York, London: Routledge, 1997.
27. Urry J. (2007). *Mobilities*. Cambridge: Polity, 336 p.
28. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China. October 18, 2017.

Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы".

Доктрина мягкой силы особым образом отражает рост фактора культуры (образования, масс-медиа, искусства, науки) в политике вообще и в международных отношениях в особенности. Но важно обратить внимание на двусмысленность самого концепта мягкой силы. Эта концепция прежде всего предполагает использование факторов культуры для обеспечения своего политического (властного) интереса и влияния на другие страны и народы. Именно поэтому оборотной стороной политики мягкой силы становятся разного рода информационные барьеры, которыми государства начинают защищать своё культурное (идеологическое) пространство. Предполагая, что значение факторов культуры во всех аспектах внутренней и внешней политики и экономики будет возрастать и далее, требуется предложить стратегический ход, снимающий нарастающий конфликт интересов стран и народов в этой области. Возможной альтернативой данной доктрине может стать метакультурный подход, который предполагает подчинение властного (политического) целеполагания в международных отношениях целям культурного влияния. Здесь главным ресурсом становится творческий потенциал нации. Тенденцию к трансформации идеологии мягкой силы в "культурное могущество", хотя и противоречиво, демонстрирует современное китайское руководство.

Ключевые слова: *мягкая сила, метакультурный подход, метакультурный потенциал, политика Китая*

Yachin S.E. Metacultural approach in international relations vs the doctrine of "soft power".

The doctrine of soft power in a special way reflects the growth of the factor of culture (education, mass media, art, science) in politics in general and in international relations in particular. But it is important to pay attention to the ambiguity of the very concept of "soft power". This concept primarily involves the use of cultural factors to ensure its political (power) interest and influence on other countries and peoples. That is why the reverse side of the policy of soft power is all sorts of information barriers, by which states begin to protect their cultural (ideological) space. Assuming that the importance of cultural factors in all aspects of domestic and foreign policy and economy will continue to grow, it is required to propose a strategic move that removes the growing conflict of interests of countries and peoples in this area. A possible alternative to this doctrine may be the metacultural approach, which assumes the subordination of power (political) goal-setting in international relations to the goals of cultural influence. Here the creative potential of the nation becomes the main resource. The tendency to transform the ideology of soft power into "cultural power", although contradictory, is demonstrated by the modern Chinese leadership.

Key words: *Soft power, metacultural approach, metacultural potential, the policy of China*

Для цитирования: Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 7–17. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/7-17

For citation: Yachin S.E. Metacultural approach in international relations vs the doctrine of "soft power" // Oikumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 7–17. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/7-17

